

УДК 371.04-055.2 (571.62-571.642)

Фадеева Е.В.
Fadeeva E.V.

Механизмы воспроизводства этнокультурных традиций в женской среде у коренных народов Нижнего Амура и Сахалина

The mechanisms of reproduction of ethnic and cultural traditions in the women's indigenous peoples of the Lower Amur and Sakhalin

---

Механизм сохранения традиций заключён в постоянной передаче информации от поколения к поколению, который осуществляется как через поведенческую, так и вербальную, словесную форму, когда через языковой канал передаются нравственные установки, этикетные нормы и другие народные знания, выработанные веками и внушаемые с детства. Трансмиссия традиций происходит во всех областях жизнедеятельности этноса – материальной и духовной, и осуществляется, как правило, по женской линии, поскольку женщине отводилась большая роль в формировании внутреннего строя семьи, её этикетных норм, в функционировании всего обрядового цикла, в сохранении элементов материальной и духовной культуры, передаче народных традиций будущим поколениям.

Ключевые слова: этнокультурные традиции, коренные народы, разделение труда, обряды жизненного цикла, духовный и материальный мир

The mechanism of preserving the traditions lies in the constant transfer of information from one generation to another, which is carried out through both behavioral and verbal, verbal form when language is transmitted through moral principles, rules of etiquette and other people's knowledge, developed over the centuries and instilled since childhood. Transmission traditions happening in all areas of life ethnicity – material and spiritual, and carried out, as a rule, in the female line, as women play a big role in shaping the inner structure of the family, its etiquette rules in the functioning of the whole ritual cycle in the preservation of elements of material and spiritual culture, transmission of folk traditions to future generations.

Key words: ethno-cultural traditions, indigenous people, the division of labor, the rites of the life cycle, the spiritual and the material world

---

В семье – ячейке общества – в процессе ранней социализации ребёнка воспроизводятся такие основополагающие этнические особенности, как родной язык, традиционные нормы поведения и этикета, принципы возрастной и половой иерархии, традиционные хозяйственные приёмы, этническая специфика быта, традиционные верования того или иного этноса [19, с. 268]. Носителями этих традиций являются все члены семьи, однако их участие в сохранении и трансмиссии этнокультурной информации неодинаково и во многом зависит от того фактического положения, которое они занимают в семейном коллективе, и от

ФАДЕЕВА Елена Викторовна, к.и.н., старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** ev_fadeeva@mail.ru

роли, в какой они себя осознают.

Механизм сохранения традиций заключён в постоянной передаче информации от поколения к поколению, который осуществляется через поведенческую форму, включающую в себя моменты примера, подражания младших старшим во всех делах и действиях; и вербальную, словесную форму, когда через языковой канал передаются нравственные установки, этикетные нормы и другие народные знания, выработанные веками и внушаемые с детства. Различны и способы передачи этнических традиций. Исследователи выделяют такие из них, как воспитание, обучение, личный пример, оценка поведения других лиц, изготовление предметов материальной культуры, семейные праздники и др. [7, с. 21-22]. Трансмиссия традиций происходит во всех областях жизнедеятельности этноса – материальной и духовной, и осуществляется, как правило, по женской линии.

В производственной функции семьи, при натуральном хозяйстве коренных народов Нижнего Амура, при существующем половозрастном разделении труда, каждый из членов семьи имел свои обязанности, и за их выполнением следили старшие родственники. Традиция трудового участия в жизни семейного коллектива передавалась младшим от старших, и примером тому детям, прежде всего, служили бабушка, мать, старшие сёстры, имевшие широкий круг обязанностей.

Наибольшая роль в воспитательном процессе в раннем возрасте детей обоего пола, в овладении ими навыков практической жизни, принадлежала матери и бабушке. Женщина играла основополагающую роль в уходе за новорождённым ребёнком, в процессах воспитания и социализации детей. Ребёнка стремились уберечь от болезней, смерти и воспитать его. В ульчском фольклоре подчёркивается тот факт, что воспитание детей до определённого времени лежало на плечах женщин [21, с. 160-163]. Уход за новорождённым сводился к кормлению его грудью, редкому мытью и смене трухи. Младенцев нивхинки мыли своим грудным молоком или тёплой водой [8, с. 353; 17, с. 3; 3, с. 621]. Нанайка крала у соседки кухонную тряпку и вытирала слюну ребёнка [9, с. 150]. При расстройстве желудка обкладывали живот и нижнюю часть тела ребёнка луговой травой – *дёлдамикта* и оставляли так на ночь. При шелушении кожи ребёнка смазывали её рыбьим жиром, срезанным со спинки сома и засушенным [6, с. 93]. Чтобы ребёнок не плакал, эвенки вкладывали ему в рот кончик сырого оленьего языка, сквозь который продевалась палочка [4, с. 171].

Грудью мать кормила ребёнка, когда он начинал плакать. Удэгейские женщины успокаивали младенцев звуками свистка, колыбельными песнями [14, с. 60-61]; (АОИАК. Ф. В.К.Арсеньева. Оп. 1. Д. 3. Л. 70). В случае смерти или болезни, ухода матери из семьи ребёнка кормила грудью любая из родственниц, а в полигамной семье старшая жена выкармливала ребёнка младшей жены рыбным бульоном. Мать обстригала ногти младенцу специальными ножницами, волосы подстригали коротко для того, чтобы ребёнок не чесался [15, сс. 163-164, 185]; (ПМА за 2001 г., записано от Суляндзига Е.И.). Кормление грудью продолжалось до 4-5, иногда до 7-8 лет. Объяснялось это отсутствием животного молока, растительных продуктов и нежным отношением матери к своему ребёнку [11, с. 16]. Если у матери было мало молока, ребёнка уже в три-четыре месяца начинали подкармливать кашей из пшена, заправленной нерпичьим или рыбьим жиром. Детям постарше давали юколу, а годовалого ребёнка кормили всем, что ели взрослые, при этом мать продолжала кормить его грудью.

Мать и бабушка не только кормили, одевали детей, но и постепенно приучали их выполнять разнообразные, сначала очень несложные

хозяйственные поручения. В большей степени это касалось девочек, поскольку именно дочери становились основными помощницами матери. Отец обычно не вмешивался в процесс раннего воспитания. Но по достижении мальчиками 6-7-летнего возраста он постепенно начинал уделять им всё больше внимания, сначала лишь изредка привлекая их к совместному труду, а с 10-12-летнего возраста мальчики полностью поступали в распоряжение отца и старших родственников. В младенчестве и в раннем возрасте в воспитании и обучении мальчиков и девочек не было заметных отличий: они вместе играли – мальчики с самодельными луком, ружьём, стрелами, а девочки – с куклами или предметами утвари. Девочки играли плоскими куклами из бересты или рыбьей кожи, деревянными или соломенными, которых они нянчили, как маленьких детей. Каждая кукла имела имя, соответствующее имени члена семьи. Особые признаки указывали на их социальные, половые и возрастные отличия. Куклы различались по размеру и одежде, которую шили девочки. Выходя замуж, дочь хранила куклу у изголовья постели, что считалось необходимым условием скорейшего и благополучного появления детей [15, с. 190-193; 13, с. 47]. Интересно, что женщины, как и мужчины, должны были обладать большой физической силой, однако им запрещалось участвовать в спортивных играх [15, с. 197]. Подрастая, дети, подражая родителям, делали из дерева или бересты различные игрушки: животных, хозяйственные и домашние постройки, посуду. С помощью этих игрушек мальчики выполняли мужские трудовые действия, а девочки – женские работы. Таким образом, постепенно происходило разделение труда между полами и распределение обязанностей между членами семьи [2, с. 32-33]. У удэгейцев в период активных контактов с китайцами, уходя в тайгу, родители оставляли детей на попечение слуг-китайцев (ПМА за 2002 г., записано от Суляндзига Е.И.). С 3-4 лет дети начинали помогать родителям. Негидальцы привязывали на спину маленьким детям колокольчики, чтобы они не потерялись (ПМА за 2001г., записано от Охлопковой В.И.). С 6-7 лет ребятишки ходили за водой, вносили в жилище дрова. К охоте приучали постепенно. 6-7-летним мальчикам делали маленький лук и стрелы для охоты на бурундуков и белок. Мальчиков постарше отцы и братья брали с собой на охоту и рыбалку. 8-летние мальчики и девочки могли грести. Девочки в этом возрасте помогали матери по хозяйству, носили воду в маленьких ведёрках, присматривали за младшими детьми, учились шить и вышивать [20, с.121]. Они допускались к обработке бересты, им разрешали снимать верхний тонкий слой кожицы и следить за выпариванием бересты. Мальчики с 10-11 лет начинали помогать матери на охоте таскать мясо в стойбище, а во время самой охоты они стояли в стороне и наблюдали за действиями взрослых. С 11 – 12 лет мальчики получали ружьё для охоты на пушного зверя. В этом возрасте они уже умели бить острогой рыбу. Девочку с 13-14 лет также начинали брать на охоту, чтобы она училась у матери зажигать костёр, готовить пищу, кормить собак. Несколько позднее родители оставляли её одну хозяйничать, а сами уходили на промысел (ПМА за 2002 г., записано от Геонка С. Ч.).

Обычно между матерью и детьми устанавливались более доверительные отношения, поскольку мать больше времени, чем отец находилась дома, она проявляла о них постоянную заботу. Обращение с детьми матери всегда было ласковое, но каждое приказание матери выполнялось без разговора. Отношение родителей к своим детям было ласковое и внимательное. Любовь к детям у нанайцев не зависела от их пола: девочки наравне с мальчиками пользовались любовью родителей [10, с. 178]. Матери говорили с детьми спокойным тоном, считалось, что телесное наказание могло выбить душу из плоти ребёнка [15, сс. 163-164, 185];

(ПМА за 2002 г., записано от Суляндзига Е.И.). Старшие никогда не одёргивали расшумевшихся детей, а просто говорили в пространство: «Как болит голова!» Услышав это, дети утихали. Детей с ранних лет учили следить за глазами родителей, в которых они могли увидеть поощрение, радость, неодобрение, если что-то делалось не так [16, сс. 219, 220].

Дочери вплоть до замужества оставались под присмотром матери и старших родственниц, которые прививали им навыки ведения домашнего хозяйства, традиционные эстетические представления, обучали их рукоделию, обработке рыбьих кож и звериных шкур и пр. Девочки учились всему, что полагалось уметь женщине – матери и хозяйке дома: шить одежду, искусно вышивать, вырезать трафареты орнамента, готовить пищу, делать посуду из бересты. С малых лет они помогали матери, таская воду, нося дрова, чистя рыбу, выделывая кожу и приучаясь владеть иглой, ведь нередко девочку в 5-7-летнем возрасте отдавали замуж, а к 13-14-и годам она уже становилась матерью [1, с. 158-159]. В 11-12 лет девочка начинала шить, а в 14 лет она уже выполняла всякую мелкую работу, в том числе и обработку шкур. Каждая мать приучала свою дочь к ножницам, иглам, ниткам очень рано, и первый шов дочери было событием для матери. Первый шов рассматривали и анализировали практически все женщины селения, после чего его показывали отцу девочки. По приезде со сбора ягоды (о поездке, как правило, извещали заранее) собранную ягоду показывали старшим. Обычно хвалили всех, но особо отмечали качество собранной ягоды – нет сора, мало сора, крупная ягода, много собрано [16, с. 220]. Художественные формы передавались от старших к младшим. Мать учила составлять рисунки своих дочерей. Последние, ещё в детском возрасте, постепенно, путём многолетней практики изучали те узоры, которые умела делать их мать, и, таким образом, получали весь запас художественных норм, накопленный и совершенствующийся в течение столетий. Молодые, в свою очередь, вносили какие-то новые идеи, добавляя или опуская определённые детали; таким образом, совершалась непрерывная эволюция народных художественных традиций [10, с. 336]. Вообще девочек и молодых девушек старались не столько загружать многочисленными видами женской работы, сколько подготовить к ним, чтобы, выйдя замуж, они могли взвалить на себя всю тяжесть женских занятий в домашнем хозяйстве.

Передавая свой хозяйственный опыт детям, родители внушали им и свои представления о мире, обычаях, верованиях. Всё это формировало в детях такие качества, как хозяйственность и расчётливость, привязанность к своему роду и традициям. При этом в народе считалось, что если мать хорошая хозяйка, то такими же станут её дочери. Это обстоятельство учитывалось при выборе невесты. Священной обязанностью матери было воспитать в дочери такие качества, как скромность, послушание, почтение к старшим, хозяйственность и т.д. Если же девушка не соответствовала общепринятым нормам, то, прежде всего, вину винули мать, не сумевшую воспитать дочь, как следовало.

Большое значение для женщины имело знание приёмов народной медицины. Именно в функции матери входило использование разнообразных рациональных действий, направленных на охрану здоровья и лечения детей. Мать должна была уметь приготовить различные лечебные отвары и мази для растирания, делать лечебный массаж и т.п.; проводить магические действия по сохранению здоровья и жизни ребёнка. Женщины хранили и передавали по наследству дочерям секреты народной медицины, приёмы охранительной магии, различные амулеты и обереги. Родившийся в тяжёлых условиях, без медицинской помощи, младенец редко выживал, часто болел.

Женщина в семье являлась носителем традиционных установок в

вопросах вступления в брак, организации свадьбы. Женщина встречала невесту на пороге дома, следила за выполнением различных обрядов (например, обрядом «топтанья котлов»). При выдаче замуж дочери мать обязательно готовила ей приданое, благословляла напутственным словом во время прощания невесты с родным домом.

Женщина выступала хранительницей и обрядов детского цикла, которые совершались при её непосредственном участии (обряды укладывания ребёнка в люльку, наречения имени, первой стрижки ногтей и волос). Колыбель для первенца заранее не готовили. Положение младенца в колыбель, сделанную из дерева отцом или бабушкой, совершалось на 5-7-ые сутки; ночью он спал в лёгкой берестяной зыбке. На дно колыбели насыпали стружки, порошок, соскобленный с дерева, крошеные гнилушки из тополя, регулярно меняя подстилку. У нивхов в низу люльки было сделано отверстие для пропуска нечистот. Ребёнка к люльке привязывали ремнями, а саму её подвешивали к одной из поперечных балок избы. К люльке подвешивали медные побрякушки, которые мелодично звенели, когда ребёнка качали [12, сс. 119-156, 148]. Колыбель старались оградить от козней *амбан* охранительными оберегами. Для этого на обе дужки колыбели подвешивали когти совы, клыки зверей, кусочек змеиной кожи. К колыбели девочки привешивали пуговицы с водяными или небесными драконами, напёрсток и кусочек тряпок как обереги и одновременно как нечто магическое, позволявшее повлиять на её судьбу и способствовать развитию у неё мастерства в шитье, вышивке и других видах женского рукоделия. Мальчику над изголовьем колыбели подвешивали лучок со стрелами, чтобы он стал хорошим стрелком [10, с. 320; 5, с. 57]. Мать обстригала ноготки младенцу специальными ножницами, волосы подстригали коротко для того, чтобы ребёнок не чесался [15, сс. 163-164, 185]; (ПМА за 2002 г., записано от Суляндзига Е.И.). С раннего возраста девочки, вместе со старшими родственницами, принимали участие во всех обрядовых ритуалах, участвуя в последовательности их проведения.

В механизме воспроизводства в семье этнических традиций большое значение придаётся усвоению ребёнком номенклатуры родства, форм и условий заключения брака, стереотипов поведения и т.д. Подобранный процесс включения ребёнка в семейно-родственную группу начинался практически с колыбели, и активную роль при этом играли мать и все родственницы.

Огромна роль женщины в формировании духовного мира детей, первых представлений о добре и зле, красоте и уродстве, правде и лжи. Посредством колыбельных песен мать передавала ребёнку своё мировосприятие и мироощущение, высказывала пожелания относительно его будущего. Пожилые женщины, наряду со старшими мужчинами, являлись основными хранительницами всех видов устного народного творчества. Свадебные, игровые песни, протяжные плачи, загадки, предания, народные притчи и пр. передавались женщинами из поколения в поколение, придавая неповторимый облик каждому народу. Через устное народное творчество дети не только познавали народные обычаи и традиции, усваивали нравственные правила, но и знакомились с особенностями родного языка, с логикой и структурой разговорной речи, с теми многочисленными эмоциями, с помощью которых речь становилась более понятной и содержательной. Это особенно важно, если учесть, что и производственная, и бытовая речь малых народов чрезвычайно односложна, лаконична [18, с. 30].

Женщина выступала хранителем и экспертом информации в области материальной культуры, являясь главным действующим лицом в организации этнически окрашенной микросреды обитания – жилища и

всего комплекса предметной сферы. В интерьере жилища отражалось представление женщины о национальном убранстве, о наборе необходимых вещей, соответствующих образу жизни семьи. Каждой вещи женщина по традиции определяла своё место. Так, в середине жилища располагался очаг, над которым крепился крюк для подвешивания котла для варки пищи, чайник. Здесь же находился помост с инвентарём и полки для посуды. Возле двери на продольных жердях в нежилкой половине вешали пузыри с жиром, клали для просушки рукавицы и обувь. На нарах у стен лежали подушки, постели. На полу лежали невыделанные меховые шкуры, береста или циновка из травы.

Из других компонентов материальной культуры, создаваемых женским трудом, следует назвать одежду. Умение шить её, украшать, функционально использовать накапливалось поколениями и передавалось как трудовой навык, как этнокультурная информация. Через практическое участие в труде девочки познавали особенности обработки рыбьих кож, меха и шкур зверей, пошива одежды и т.д. К 14-15-и годам они уже выучивались самостоятельно шить, подбирать и раскраивать кожи и мех для одежды и обуви. При этом каждый вид употребляемой ими шкуры самостоятельно обрабатывался ими же, начиная от обезжиривания мездры и заканчивая окраской исключительно самобытными средствами и по рецептам, разработанными самобытным путём. Обстановка постоянного труда, в которой жили все члены семьи, контроль старших над младшими способствовали закреплению полученных знаний и представлений. Женщина не только создавала национальный костюм, но и участвовала в формировании целого комплекса представлений, обрядовых действий, связанных с ним. Таким образом осуществлялось её участие в воспроизводстве стереотипов этнической культуры. Мастерство женщины в оформлении отдельных элементов одежды, обуви, головных уборов, берестяной посуды и пр., которые служили в большинстве своём образцами декоративно-прикладного искусства, в первую очередь оценивалось в семейном коллективе. В каждом селении имелись мастерицы, далеко известные за его пределами. Это способствовало развитию у членов семьи, особенно младших, художественного вкуса, рождало чувство причастности к своим культурным традициям, побуждало к овладению этим искусством.

Определяющей была роль женщины в сохранении традиций народной системы питания – переработке и хранении продуктов, приготовлении отдельных блюд, выбора рациона питания и организации трапезы. Пища, наиболее консервативный элемент материальной культуры, в котором накоплен богатый опыт поколений по освоению ими среды обитания, по приобретению трудовых навыков и наиболее рациональных приёмов ведения домашнего хозяйства. В семье коренных народов Нижнего Амура девочка, направляемая матерью, уже в 6-7 лет помогала ей в приготовлении пищи, а к 14-15 годам овладевала опытом самостоятельно готовить не только повседневную пищу, но и праздничные блюда. В связи с тем, что растительная пища (черемша, крапива, ягоды, грибы и пр.) входила в рацион всех народов, подростки, усваивая опыт старших, умели находить питательные съедобные растения и готовить их к употреблению.

Помимо семьи навыкам ведения хозяйства, овладением искусством рукоделия девочки и девушки обучались при посещении домов родственниц или соседок для совместного времяпрепровождения и работы (например, при сборе дикоросов), на семейных торжествах, во время игр.

Таким образом, в основе традиционного воспитания лежала идея, что мальчик – это будущий охотник и рыбак, кормилец, продолжатель семьи, рода; а девочка – невеста, жена, хозяйка очага. Формирование

юноши и девушки проходило путём трудового воспитания, физического и духовного совершенствования. Рациональным зерном народной педагогики было воспитание у ребёнка сознания того, что он неотделим от других в семье и роде, что его труд ценен и необходим так же, как и труд старших [15, с. 200]. И основополагающую роль в этом процессе играли женщины – мать, бабушка, тётки и другие старшие родственницы.

Делая вывод, отметим, что если для мужчин главнейшей референтной социальной группой был род, то для большинства женщин ближайшее социальное окружение образовывала семья. Семейная жизнь для женщины была нормой. Традиционные общественные нормы чётко определяли место женщины и предлагали ей самореализацию, прежде всего, в семейной, частной сфере жизни социума.

Повседневность большинства женщин была связана с работой – трудоёмкими и сложными операциями по обработке рыбьих кож и звериных шкур, заготовке мяса и рыбы впрок, шитьём одежды и обуви, заготовкой дров и ношением воды. Помимо этого, в период длительного отсутствия мужчин, уходящих на промысел или уезжающих на ярмарки, женщинам приходилось выполнять и мужские обязанности. Таким образом, в то время как работа мужчин носила периодический характер, женщинам приходилось работать круглый год, с утра до вечера, поэтому удельный вес женского труда в общем хозяйстве семьи, учитывая плоды собирательства, был примерно на четверть больше, чем мужской труд. Вместе с тем женщине отводилась большая роль в формировании внутреннего строя семьи, её этикетных норм, в функционировании всего обрядового цикла (свадьба, рождение ребёнка, похороны, календарные праздники), в сохранении элементов материальной и духовной культуры, передаче народных традиций будущим поколениям.

Литература

1. Арсеньев В.К. Лесные люди – удэхейцы // Соч. – Владивосток, 1948. Т.5. С. 139–188.
2. Афанасьев В.Ф. Этнопедагогика нерусских народов Сибири и Дальнего Востока/В.Ф.Афанасьев. – Якутск: Якут. Книжное изд-во, 1979. – 184 с.
3. Белиловский К.А. Женщина инородцев Сибири (медико-этнографический очерк)//Оттиск из: Сборник работ по акушерским и женским болезням, посвящённый проф. К.Ф.Славянскому в 25-летие его врачебно-учёной деятельности. Спб., 1894. С.527–629.
4. Василевич Г.М. Эвенки: историко-этнографические очерки (XVIII – нач. XX в.)/Г.М. Василевич. Л.: Наука, 1969. 304 с.
5. Гаер Е.А. Древние бытовые обряды нанайцев/Е.А.Гаер. – Хабаровск: Книжное изд-во, 1991. 142 с.
6. Гаер Е.А. Родильные обряды у нанайцев и ульчей//Проблемы историко-культурных связей народов Дальнего Востока: сборник научных трудов. – Владивосток: ДВО АН СССР, 1989. С.87–95.
7. Громько М.М. Семья в системе контактных групп, участвующих в воспроизводстве этнических традиций (К теории вопроса) //Семья у народов СССР в условиях развитого социалистического общества. Тезисы докладов Всесоюзной научной Конф. Махачкала, 1985. С.21–23.
8. Крейнович Е.А. Нивхгу: Загадочные обитатели Сахалина и Амура/ Е.А. Крейнович. М.: Наука, 1973. 496 с.

9. Липская-Вальронд Н.А. Материалы к этнографии гольдов//Сибирская живая старина. Иркутск, 1925, Вып. III – IV. С.145–160.
10. Лопатин И.А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские: Опыт этнографического исследования // Зап. ОИАК Владивостокского отделения ПЕРГО. Владивосток, 1922. Т.17. 372 с.
11. Лопатин И.А. Орочи – сородичи маньчжур //Общество изучения маньчжурского края. Т.XVII. Харбин, 1925. 30 с.
12. Мейер Е.Е. Письма с Амура. К С.В.М. //Вестник Сахалинского музея. Ежегодник Сахалинского областного краеведческого музея. Южно-Сахалинск. Сахалинский областной краеведческий музей, 2000. № 7. С.119–156.
13. Перехвальская Е.В. Удэгейцы /Е.В.Перехвальская. СПб., 1994. 95 с.
14. Подмаскин В.В. Духовная культура удэгейцев XIX – XX вв. Историко-этнографические очерки /В.В.Подмаскин. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1991. 160 с.
15. Подмаскин В.В. Народные знания удэгейцев: историко-этнографическое исследование по материалам XIX – XX в.в. /В.В.Подмаскин. Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 1998. 227 с.
16. Пухта М.Н. О нивхском этикете. //Известия Института наследия Бр. Пилсудского. Институт наследия Бр. Пилсудского при Сахалинском государственном областном краеведческом музее. Южно-Сахалинск. Сахалинский областной краеведческий музей, 1999. С.217–223.
17. Рыжков А. Девушка из стойбища Чайво //Тихоокеанская звезда, № 283 за 5 декабря 1940 г. С.3.
18. Севильгаев Г.Ф. Очерки по истории просвещения малых народов Дальнего Востока/Г.Ф.Севильгаев. Л.: Просвещение, 1972. 423 с.
19. Семашко И.М. Механизмы воспроизводства этнокультурных традиций в семье. //Женщина и свобода: пути выбора в мире традиций и перемен. Мат-лы между. Конф. 1993 г. М.: Наука, 1994. С.267–277.
20. Смоляк А.В. Ульчи: Хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем/ А.В.Смоляк. М.:Наука, 1966. 290 с.
21. Суник О.П. Ульчский язык: исследования и материалы /О.П. Суник. Л.: «Наука», 1985. 264 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Arsen'ev V.K. Lesnye lyudi – udehkhejtsy //Soch. – Vladivostok, 1948. Т.5. S. 139–188.
2. Afanas'ev V.F. EHtnopedagogika nerusskikh narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka/V.F.Afnas'ev. – YAkutsk: YAkut. Knizhnoe izd-vo, 1979. – 184 s.
3. Belilovskij K.A. ZHenshhina inorodtsev Sibiri (mediko-ehntograficheskij ocherk)//Ottisk iz: Sbornik rabot po akusherskim i zhenskimi boleznyam, posvyashyonnyj prof. K.F.Slavyanskomu v 25-letie ego vrachebno-uchyonoj deyatelnosti. Spb., 1894. S.527–629.
4. Vasilevich G.M. EHvenki: istoriko-ehntograficheskie ocherki (XVIII – nach. XX v.)/G.M. Vasilevich. L.: Nauka, 1969. 304 s.
5. Gaer E.A. Drevnie bytovye obryady nanajtsev/E.A.Gaer. – KHarbarovsk: Knizhnoe izd-vo, 1991. 142 s.
6. Gaer E.A. Rodil'nye obryady u nanajtsev i ul'chej//Problemy istoriko-kul'turnykh svyazey narodov Dal'nego Vostoka: sbornik nauchnykh trudov. – Vladivostok: DVO AN SSSR, 1989. S.87–95.
7. Gromyko M.M. Sem'ya v sisteme kontaktnykh grupp, uchastvuyushhikh v vosproizvodstve ehnicheskikh traditsij (K teorii voprosa) //Sem'ya u narodov SSSR v usloviyakh razvitogo sotsialisticheskogo obshhestva. Tezisy dokladov Vsesoyuznoj nauchnoj Konf. Makhachkala, 1985. S.21–23.
8. Krejnovich E.A. Nivkhgu: Zagadochnye obitateli Sakhalina i Amura/ E.A. Krejnovich. M.: Nauka, 1973. 496 s.

9. Lipskaya-Val'rond N.A. Materialy k ehtnografii gol'dov//Sibirskaya zhivaya starina. Irkutsk, 1925, Vyp.III – IV. S.145–160.

10. Lopatin I.A. Gol'dy amurskie, ussurijskie i sungarijskie: Opyt ehtnograficheskogo issledovaniya // Zap. OIAK Vladivostokskogo otdeleniya PORGO. Vladivostok, 1922. T.17. 372 s.

11. Lopatin I.A. Orochi – sorodichi man'chzhur //Obshhestvo izucheniya man'chzhurskogo kraya. T.XVII. KHarbin, 1925. 30 s.

12. Mejer E.E. Pis'ma s Amura. K S.V.M. //Vestnik Sakhalinskogo muzeya. Ezhegodnik Sakhalinskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya. YUzhno-Sakhalinsk. Sakhalinskij oblastnoj kraevedcheskij muzej, 2000. № 7. S.119–156.

13. Perekhval'skaya E.V. Udehgejtsy /E.V.Perekhval'skaya. SPb., 1994. 95 s.

14. Podmaskin V.V. Dukhovnaya kul'tura udehgejtsev XIX – XX vv. Istoriko-ehtnograficheskie ocherki /V.V.Podmaskin. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 1991. 160 s.

15. Podmaskin V.V. Narodnye znaniya udehgejtsev: istoriko-ehtnograficheskoe issledovanie po materialam XIX – XX v.v. /V.V.Podmaskin. Vladivostok: Izd-vo DVO RAN, 1998. 227 s.

16. Pukhta M.N. O nivkhskom ehtikete. //Izvestiya Instituta naslediya Br. Pilsudskogo. Institut naslediya Br. Pilsudskogo pri Sakhalinskom gosudarstvennom oblastnom kraevedcheskom muzee. YUzhno-Sakhalinsk. Sakhalinskij oblastnoj kraevedcheskij muzej, 1999. S.217–223.

17. Ryzhkov A. Devushka iz stojbishha CHajvo //Tikhookeanskaya zvezda, № 283 za 5 dekabrya 1940 g. S.3.

18. Sevil'gaev G.F. Ocherki po istorii prosveshheniya malykh narodov Dal'nego Vostoka/G.F.Sevil'gaev. L.: Prosveshhenie, 1972. 423 s.

19. Semashko I.M. Mekhanizmy vosproizvodstva ehtnokul'turnykh traditsij v sem'e. //ZHenshhina i svoboda: puti vybora v mire traditsij i peremen. Mat-ly mezhd. Konf. 1993 g. M.: Nauka, 1994. S.267–277.

20. Smolyak A.V. Ul'chi: KHozyajstvo, kul'tura i byt v proshlom i nastoyashhem/ A.V.Smolyak. M.:Nauka, 1966. 290 s.

21. Sunik O.P. Ul'chskij yazyk: issledovaniya i materialy /O.P. Sunik. L.: «Nauka», 1985. 264 s.